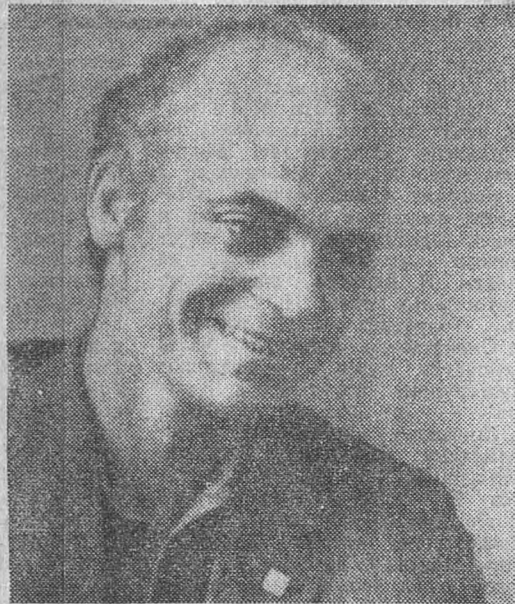

ДАЛИ ЧЕЛОВЕКУ ЛУНУ...

Веч. Ленинград 1941, 28/VIII

ТАКОЕ БЫВАЕТ
НЕ ЧАСТО — ФИЛЬМ
ЕЩЕ ТОЛЬКО
СНИМАЛСЯ, А ОБ
ОДНОМ ИЗ
ИСПОЛНИТЕЛЕЙ
ГЛАВНЫХ РОЛЕЙ,
НИКОМУ ДОСЕЛЕ
НЕ ИЗВЕСТНОМ
АКТЕРЕ ИЗ ОМСКА,
ЗАГОВОРИЛИ
В ПРЕССЕ,
ПО РАДИО,
ТЕЛЕВИДИЕНИЮ.
А СЕГОДНЯ ИМЯ
ВЛАДИСЛАВА
ДВОРЖЕЦКОГО,
СЫГРАВШЕГО
В ФИЛЬМАХ
«БЕГ» И
«ВОЗВРАЩЕНИЕ
„СВЯТОГО ЛУКИ“»,
ЗНАКОМО,
НАВЕРНОЕ,
КАЖДОМУ, КТО
ЛЮБИТ КИНО.

нажем: авторы фильма подумывают о его продолжении.

— В гастрольных спектаклях омичей мы видели вас только в двух постановках — «С вечера до полудня» и «Человек из Ламанчи». Какие роли были сыграны еще?

— Я проработал в театре всего один сезон, ролей особо важных не было — не в смысле исполнения, а в смысле величины. Все, как мы говорим, «без ниточки»: один листочек текста давали. А вот двух — спитых, с ниточкой — не было. Но и эти эпизоды старался играть настоящим. Их заметили. Сейчас, после работы в кино, чувствую: необходимо вернуться в театр. Единственное, что смущает, — далек Омск от киностудий Москвы и Ленинграда.

— А перебраться ближе...

— Для чего? Не вижу в этом большого основания. Творить, пусть это не прозвучит выпендрено, можно и нужно везде.

И еще: москвичи и ленинградцы избалованы несколькими театрами

том сказали, что у них было ощущение, будто я снимался всю жизнь. Вот как бывает.

Есть много хорошего в том, что сразу пришлось встретиться с таким огромным и сложным драматургическим материалом и с такими отличными режиссерами и партнерами.

Но есть в этом и большой минус: дали вот человеку луну поддержать — и отобрали. А теперь-то что и как играть? Кто рискнет еще предложить роль такого масштаба?

Некоторые режиссеры, ухватившись за «типажность» и по ленинским мысли, что ли, предлагают мне роли всяких белых, черных, зеленых офицеров, от которых я решительно отказываюсь. И буду отказываться.

— После Хлудова вы начали работу в фильме «Возвращение „Святого Луки“». Но ведь этот сценарий, чего греха таить, проигрывает по сравнению с пьесой Михаила Булгакова...

— А что делать? Не хотелось расставаться с кино, и, честно говоря, не без удовольствия снимался в этом фильме: нужна была разрядка после Хлудова.

Забавно вспомнить: мне предложили несколько сценариев наподобие «Святого Луки», похожих друг на друга как близнецы, даже фамилии персонажей были сходны. Сложилось ощущение, что эти сценарии пекли как пироги. Почему же остановился на «Луке»? Во-первых, потому, что в нем сразу раскрывались перед зрителем все карты — не было никакой внешней интриги, все было известно с первых кадров: кто — преступник, кто — положительный герой. Можно сразу раскрывать суть характера, играть в открытую. Во-вторых, привлекла кланча героя — Граф. Клочки ведь не дают случайно. И она позволяла мне сыграть умного человека, опытного преступника. Обычно их изображали людьми довольно примитивными и недалекими. Такого Графа, каким он показан в картине, хорошо оценили и работники милиции. Возможно, мне еще придется встретиться с этим персонажем.

— Кто же все-таки вас «открыл»?

— Мои «крестные отцы» — Александр Алов и Владимир Наумов, а «киномама», как я ее зову, — Наташа Коренева, ассистент режиссера на киностудии «Мосфильм», — она-то и увидела меня в одном из спектаклей.

— Первая встреча с кинематографом, и сразу — Хлудов. Что вы испытывали тогда, первые ваши ощущения?

— Страх. Большой страх: актер молодой, опыта почти никакого, тем более в кино, не смогу и вообще — ужас... Да еще окружение таких звезд нашего кино — Ульянов, Баталов, Евстигнеев. Конечно, старался не показывать своего страха, держаться молодцом. А режиссеры по-

— Думаю, что этого никто никогда не приоткроет, а если приоткроет — соверет. Честно говоря, не знаю, как работаю. Не верю актерам, которые говорят: сидел над пьесой, думал, разрабатывал. Это все происходит «как-то». Порой можно уцепиться за какую-то фразу: как, например, я уцепился за кличку Граф. Можно — за привычку, походку, жест. И от этого начинаешь раскручивать все остальное. Порой чувствуешь, что роль сразу надевается на тебя, как перчатка. Но это в театре. В кино, мне кажется, сорок пять процентов актерского успеха принадлежит режиссеру, пятьдесят — оператору и пять — гримеру.

— Что же остается самому артисту?

— По моему, еще не очень профессиональному мнению, ничего. Актер — это материал для режиссера, оператора, гримера. Для меня актер все равно, что тюбик краски в руке художника. И я не боюсь показаться человеком, который ничего не сделал. Но ведь если в тюбике не будет краски, то ни один художник ничего не нарисует. Так что я отдаю все режиссеру и иже с ним, но оставляю себе полный тюбик.

— Вы, вероятно, не видели ленинградскую постановку «Бега» с Николаем Константиновичем Черкасовым в роли Хлудова, но, быть может, слышали о его трюках?

— Да, мне много рассказывала об этом спектакле Елена Сергеевна Булгакова. Прошло четырнадцать лет со времени его постановки, изменился зритель, изменились и мы, наше восприятие. Для меня главное в Хлудове — его ужасное одиночество. «Бег» — это не просто бег в физическом смысле, не бег тараканов, которые стремятся в тень и дают людям, поставившим на них, что-то выиграть, а еще и «бег» внутри человека, раздираемого страстями и противоречиями. И в результате не понявшего исторической ситуации.

— Вы сказали, что с удовольствием сыграли бы в комедии. А как вы относитесь к современной комедии?

— Подойдите к сводной афише ленинградских кинотеатров и посмотрите, какие идут комедии. Французские: «Замороженный», «Большая прогулка», «Маленький купальщик» и отечественная, снятая в Одессе, «Меж высоких хлебов». Помимо того, что это крайне неудачная комедия, ее еще и называли, я бы сказал, кощунственно, строккой из трагических стихов Некрасова. Да, с комедийными фильмами у нас далеко не все в порядке. И порой сам себе задаешь вопрос: а где же сегодняшние «Веселые ребята», «Волга-Волга», «Карнавальная ночь»?

— В «Возвращении „Святого Луки“» действие разворачивалось вокруг картины. Как вы относитесь к живописи?

— Я, знаете, консервативен. Всем современным изыскам предпочитаю передвижников, Сурикова, Васнецова. Особенно двух последних. Быть может, оттого, что первые встречи с их картинами были еще в детстве. Сибирь, Ермак — это так близко. И Васнецов — сказочные его сюжеты. Простально разглядываешь их, так и хочется побывать там, в самой сказке.

А все-таки, грешен, больше всего люблю кино. Всякое. Ведь в каждой картине — плохой ли, хорошей — всегда можно найти что-то интересное.

Жаль, что театр нынче порою пытается подделываться под кинематограф. Давайте, мол, без грима, без декораций, давайте используем кинопроектор.

Были мы, кстати, в Ленинградском театре музыкальной комедии. Смотрели «Требуется героиня». И там тоже кино показывали...

— Кино, кино... Вы ведь и сейчас верны ему?

— Снимаюсь в «Солярисе», который ставит Андрей Тарковский. Меня особенно привлекает одна из тем фильма. Мы привыкли к классическому выражению, что «не надо ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача». Первая половина фразы верна безусловно, а всегда ли мы разумно пользуемся второй половиной?.. Но как получится, сказать трудно: работа над картиной в самом разгаре.

Беседу вели
Ю. КРАСНОВ, Б. МЕТЛИЦКИЙ
Фото М. ШАРАПОВА